

COVID-19: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ *COVID-19: PSYCHOLOGICAL ASPECT*

Общество и пандемия: теоретико-методологические основания психологических исследований

Н.К. РАДИНА*

Ю.В. БАЛАКИНА**

*РАДИНА Надежда Константиновна – доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор департамента социальных наук Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: ул. Большая Печерская, 25/12, Нижний Новгород, 603155. E-mail: rasv@yandex.ru

**БАЛАКИНА Юлия Владимировна – PhD лингвистика, доцент департамента литературы и межкультурной коммуникации Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: ул. Большая Печерская, 25/12, Нижний Новгород, 603155. E-mail: julianaumova@gmail.com

В статье обсуждается проблема использования теоретических конструктов “психические состояния общества” и “психическая депривация”, сформулированных в традициях отечественной социальной психологии при изучении современного общества в условиях пандемии. Представлены теоретические поля психических (психологических) состояний общества и концепции психической депривации, разработанные российскими социальными психологами. Проанализированы современные исследования, посвященные пандемиям, включая пандемию COVID-19, релевантные основным идеям, обсуждаемым в русле данных теорий. Показано, что история развития российских социальных наук позволяет среди научного наследия идентифицировать теоретические идеи, модели, концепции, ранее подкрепленные эмпирикой и релевантные потребностям сегодняшнего дня, а именно изучению общества в условиях социальной изоляции, депривации и принудительной цифровизации социальных отношений, типичных для пандемии COVID-19.

Ключевые слова: психические состояния общества, депривация, пандемия, COVID-19, изоляция, доверие.

DOI: 10.31857/S086904990012123-7

Цитирование: Радина Н.К., Балакина Ю.В. (2020) Общество и пандемия: теоретико-методологические основания психологических исследований // Общественные науки и современность. № 6. С. 49–64. DOI: 10.31857/S086904990012123-7

Society and the pandemic: theoretical and methodological foundations of psychological research

Nadezhda K. RADINA*

Julia V. BALAKINA**

*Nadezhda K. RADINA – doctor of science (Politics), candidate of science (Psychology), Professor, Department of social sciences, National Research University Higher School of Economics Address: Bol'shaya Pecherskaya St., 25/12, Nizhny Novgorod, 603155 E-mail: rasv@yandex.ru

**Julia V. BALAKINA – PhD (Linguistics), Associate Professor, Department of literature and cross-cultural communication, National Research University Higher School of Economics. Address: Bol'shaya Pecherskaya St., 25/12, Nizhny Novgorod, 603155. E-mail: julianaumova@gmail.com

Abstract. The article dwells on the issue of applying the theoretical constructs "mental states of society" and "mental deprivation", formulated in the traditions of Russian social psychology, in the study of modern society during a pandemic. The theoretical fields of mental (psychological) states of society and the concept of mental deprivation developed by Russian social psychologists are presented. Analyzes current research on pandemics, including the COVID-19 pandemic, relevant to the main ideas discussed in line with these theories. It is argued that the history of the development of Russian social sciences makes it possible, among the scientific heritage, to identify theoretical ideas, models, concepts that were previously supported by empiricism and relevant to the modern needs, namely, the study of society in conditions of social isolation, deprivation and forced digitalization of social relations typical of the COVID-19 pandemic.

Keywords: mental states of society, deprivation, pandemic, COVID-19, isolation, trust.

DOI: 10.31857/S086904990012123-7

Citation: Radina N., Balakina Yu. (2020) Society and the pandemic: theoretical and methodological foundations of psychological research. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 49–64. DOI: 10.31857/S086904990012123-7

Идеи М. Мид представляют префигуративный тип культуры как форму существования общества в максимально изменчивых условиях. В этом случае опыт передается не только от родителей к детям, но и от детей к родителям (как правило, дети быстрее адаптируются к изменениям) [Mead 1970], что обычно используется при характеристике процесса социализации в обществе. В то же время способы научной рефлексии социальных изменений, теоретический аппарат, помогающий идентифицировать и концептуализировать эмпирику в префигуративной культуре, также нуждается в постоянном обновлении. Чтобы теории, с помощью которых описывают и объясняют социальные феномены, не устаревали, обновлялись, необходимы дискуссии для понимания, когда теоретическая конструкция выполняет свою функцию объяснения и прогнозирования социальной жизни, а в каких случаях теория становится историей, релевантной лишь прошлому социальному контексту.

Пандемия COVID-19 перед социальными исследователями поставила задачи, связанные с анализом новых и динамичных ситуаций. В то же время использование теоретических рамок при планировании эмпирических исследований необходимо в любых условиях: теории помогают оформить понятийный аппарат, обозначить предмет, объект исследования, сформулировать гипотезу или исследовательский вопрос. Однако ритм "реальной пандемии" задает такой режим, когда теоретические контексты становятся как бы вторичными, а на первый план выходит оперативный сбор эмпирических фактов.

В данной статье предполагается проанализировать, как идеи двух теоретических полей (психические состояния общества и психическая депривация), сформулированные в предметном поле российской и советской социальной психологии, воспроизводятся

в эмпирических исследованиях о пандемиях. При этом предполагается использовать исследования с анализом “своей эмпирики” и “чужой эмпирики” [Юревич 2003], то есть статьи, тематически близкие проблемам психических состояний общества и психической депривации, но могут быть концептуализированы вне данных теоретических координат. Цель статьи – прояснить, насколько теоретические конструкты “психические состояния общества” и “психическая депривация”, сформулированные в традициях отечественной социальной психологии, могут быть востребованы при изучении современного общества в условиях пандемии.

Психические состояния общества: теоретический контекст

Изучая общество в период пандемий, невозможно игнорировать проблему психических состояний. Пребывание в условиях неопределенности и угрозы, как правило, связывают с негативными психическими состояниями на групповом уровне (на уровне общества) и рассматривают в контексте психологии больших групп, к которым относят социально-демографические группы (мужчины и женщины, пожилые и молодые, горожане и сельчане и т.д.), этнокультурные сообщества и т.д. [Дубов 2012].

В политической психологии исследовательский интерес доминирует в отношении больших диффузных групп, а в психологии массы [Ольшанский 2002] особое внимание вызывает психология толпы [Назаретян 2001; Helbing, Buzna, Johansson, Werner 2020 и др.]. Различия в терминологии обуславливают различный исследовательский фокус, поскольку в политической психологии интересны большие группы в действии и движении (массы и толпы). Однако развернутое и разработанное понятийное поле, описывающее и интерпретирующее феномен психических состояний общества (социально-демографических групп, масс или толп), в настоящее время не сложилось.

В психологии детально разработано понятийное поле индивидуальных психических состояний [Ильин 2005; Панов 1998 и др.]. В то же время “психические состояния индивида” как научная проблема по-прежнему дискуссионна. На этом фоне очевидно игнорирование в обсуждениях термина “психические состояния общества” (как состояния больших групп). В отличие от индивидуальных “психических состояний” в отношении групп часто используется термин “психологические состояния” (или “социально-психологические состояния”), что уже при формулировке термина отсекает психофизиологическую компоненту. На уровне конкретизации определения многое зависит от того, в каком предметном поле формулируется понимание “психологического состояния общества”. Например, в социально-психологическом предметном поле “социально-психологическое состояние” общества (большой социальной группы) фиксируется как надындивидуальный интегральный системный феномен, выражающий осознание группой (социальным субъектом) своей статусной позиции в структуре общества [Каширина 2004, с. 125]. Здесь объединяются нерядоположенные признаки – субъектность, осознание и статусно-ролевая позиция. Собственно эмоциональный компонент при этом не учитывается.

В исследованиях в рамках политической психологии психологическое состояние общества диагностируется описательно: через перечисление его форм (от изменчивых эмоциональных настроений, установок и потребностей до устойчивых представлений и ценностей) [Шестопал 2017]. Таким образом, в определении психологического состояния общества учитывают как эмоциональные, так и когнитивные, и мотивационно-потребностные компоненты.

В научных работах можно обнаружить максимально общие определения состояний большой группы, например, представляющие “состояние” как “совокупность психологических характеристик большой, относительно изолированной, группы людей с учетом объективных, экспертных и субъективных оценок ее благополучия в определенный мо-

мент или за определенный период времени” [Лебедев, Гордякова 2018, с. 23]. Это рабочее определение под конкретное исследование, поскольку в терминологическое поле попали и “все характеристики” большой группы, и экспертные оценки, и время, и контекст благополучия. Существует ряд работ, в которых непосредственно изучают психологическое состояние общества, но избегают прямого определения ключевого термина [Гагарина, Савченко 2018; Ильин, Морев 2016; Лебедев 2018 и др.], что оставляет вопрос открытым.

Следующая значимая проблема современного исследовательского поля “психологических состояний общества” – терминологическое многообразие, включая пересечение, синонимическую подмену и расширительное толкование различных терминов, используемых для называния феномена, который также может быть маркирован и как психологические (психические) состояния общества/общности/большой группы. Изучая “состояние общества” исследуют “эмоциональную сферу” и “психический склад” [Абрамова 2008], “коллективные чувства”, “коллективные переживания” и “менталитет” [Емельянова 2016; Ahmed 2004; и др.], “социальное самочувствие” и “общественные настроения” [Балацкий, Екимова 2008; Serafeim 2018 и др.], “эмоциональную атмосферу” и “психологический климат” общества [Урнов 2007; Rosas, Serrano-Puche 2018; Wahl-Jorgensen 2019] и т.д.

В поиске взгляда на различные стороны данного феномена психологические состояния общества возможно также определить как производные от основных сфер общественной психологии [Шорохова 2002]:

- когнитивные аспекты состояний (коллективные представления, социальное мышление, общественное мнение, общественное сознание, менталитет);
- потребностно-мотивационные (общегрупповая мотивация, групповые потребности, ценности, интересы, цели, установки, идеалы);
- аффективные (чувства, эмоции, настроения);
- регулятивно-волевые (намерения, регуляция и контроль);
- деятельностные (поведение).

Следовательно, психологические состояния общества (большой группы) – это комплекс свойств и признаков, ограниченных временными периодами и представляющих (по Е. Шороховой) когнитивную (коллективные представления, социальное мышление, общественное мнение, общественное сознание, менталитет), аффективную (чувства, эмоции, настроения), потребностно-мотивационную (общегрупповая мотивация, групповые потребности, ценности, интересы, цели, установки, идеалы), регулятивно-волевою и деятельностную сферы общественной жизни. Мы полагаем, что данное определение позволяет представить феномен “психологических состояний общества” в виде интегрированной понятийной карты с привычными для психологии измерениями (когнитивное, потребностно-мотивационное и т.д.).

Не определяя в полной мере формы и виды психологического состояния общества, социальные исследователи изучают различные его “компоненты”, а именно: защищенность, страх, тревогу, надежду, успех [Аникин 2006], беспокойство, разочарование и несправедливость [Дробышева, Емельянова 2015], удовлетворенность [Войтенко, Дробышева 2018], панику [Drury, Cocking, Reicher 2008], свободу [Ларина 2018], доверие [Шляхова 2018 и др.] и т.д.

В социальных исследованиях, посвященных проблемам общества в периоды пандемий, как правило, обращаются к отдельным компонентам психологического (психического) состояния общества, не претендуя на реконструкцию общей картины. Разрозненные исследования о компонентах психических состояний общества во время эпидемий, пандемий, других кризисных ситуаций дополняют эмпирикой теоретическое поле психических/психологических состояний общества и отчасти помогают строить концепции и модели существования общества в условиях пандемий.

Социальные проблемы периода пандемий: теоретический контекст

События пандемии COVID-19 доказали, что кроме реакции общества на угрожающее условие самого заболевания существуют и другие объективные обстоятельства, которые изменяют привычный социальный формат функционирования общества. Ключевые характеристики этого “социального формата” – принудительная изоляция и сопутствующая ей активная цифровизация, а также контроль со стороны государства за соблюдением требований правил карантина или “режима повышенной готовности”. На первый взгляд, новые условия не могут иметь теоретических рамок, укорененных в доэпидемический период развития социальных наук. Однако в психологии условия изоляции ранее достаточно часто изучались, теоретическое поле данного феномена относительно проработано, разумеется, в сегментах, не связанных с пандемиями.

В психологии изоляция особенно детально теоретизирована, описана и исследована в контексте психологии развития как фактор психической депривации (сенсорной, эмоциональной, социальной и т.д.) – в отношении детей, воспитывающихся вне семьи, в условиях институциональной заботы специализированных закрытых или полузакрытых учреждений (детских домов и сиротских интернатов) [Психическое...1990; Мухина 2006]. В российской психологии теоретическое поле психической депривации конструируется в исследованиях школ Л. Божович, М. Лисиной, В. Мухиной и А. Петровского (см. [Радина 2016]). Так, опыт психологов из школы Божович позволяет утверждать, что у детей, воспитывающихся в условиях психической депривации, формируется тип личности с несформированностью внутреннего субъективного плана психики; зависимостью мотивации поведенческих реакций от внешней ситуации. Исследования школы Лисиной доказывают, что в условиях институциональной заботы вне семьи нарушается коммуникативное взаимодействие в диаде Ребенок–Взрослый, и это приводит к качественно иному развитию воспитанников сиротских учреждений. Согласно исследованиям школы Мухиной, дети в условиях депривации обладают спектром личностных нарушений (наиболее поражены притязание на признание и психологическое время личности).

В русле школы Петровского феномен социальной изоляции интерпретировался в терминах “закрытой группы” и не ограничивался только детскими учреждениями. Изучалось и положение взрослых в закрытых профессиональных группах (например, закрытость, обусловленная условиями труда), а также в период принудительной изоляции (в тюремном заключении). Используя трехфакторную модель Петровского в применении к закрытым группам, М. Кондратьев показал их жесткую иерархичность, разрушительную внутригрупповую статусную поляризацию [Кондратьев 1997; Кондратьев 2011].

Социальная изоляция в контексте пандемии создает условия частичной, специфической психической депривации. Обеднение сенсорного, эмоционального, социального полей, физические ограничения и ролевое однообразие негативно влияют как на взрослых, так и на детей, поддерживая стигматизацию в рамках закрытых групп и в более широком социальном контексте. Феномен “закрытости” способен вызывать к жизни деструктивные групповые характеристики и деформировать социальное развитие личности.

Роль принудительной цифровизации в условиях изоляции во время пандемии – новый и пока недостаточно разработанный аспект теоретического поля психической депривации. Цифровизация социальных отношений может быть с ней связана независимо от контекста пандемии. В то же время, поняв состояние субъектов цифровых взаимодействий, можно определить исследовательские ориентиры, создающие релевантные теории для объяснения цифровой социальной реальности.

Общество периода пандемий: страх и тревога

В исследованиях, описывающих состояние общества во время пандемии, очевидно востребованным оказывается теоретическое поле психических состояний, поскольку большинство эмпирических исследований посвящено страхам и тревогам индивида и/или группы в отсутствие спасительной вакцины. Однако целостный взгляд на общество, модели и концепции его психологического состояния в условиях пандемии в актуальных работах не представлены. Как правило, в эмпирических исследованиях анализируют исключительно страхи и тревоги индивидов (иногда групп) с отсылкой к теории посттравматических стрессовых расстройств [Бойко, Медведева, Ениколопов, Воронцова, Казьмина 2020; Рассказова, Леонтьев, Лебедева 2020], объясняющей специфику стресса, но не общества.

Изучая стресс в исследованиях о пандемии, описывают и характеризуют:

- влияние родственников и знакомых – пациентов с COVID-19 на уровень психологического стресса [Первичко, Митина, Степанова, Конюховская, Дорохов 2020; Tanoue, Shuhei, Daisuke, Takayuki, Akifumi, Shoi, Nahoko, Hiroaki 2020];
- стресс как производный от соблюдения правил (требований самоизоляции, дистанцирования, применения антибиотиков) и обращения к новостям о коронавирусе [Сорокин, Касьянов, Рукавишников, Макаревич, Незнанов, Лутова, Мазо 2020];
- стресс у хронических больных, опасющихся собственной уязвимости в условиях пандемии [Joensen, Madsen, Holm, Nielsen, Rod, Petersen, Rod, Willaing 2020];
- страх перед пандемией COVID-19 в предположении будущего, включая его влияние на депрессивные состояния и образ мышления людей, ищущих работу [Алдашева, Баканов, Зеленова, Рунец 2020; Mahmud, Talukder, Rahman 2020];
- страх перед пандемией COVID-19 в отношении употребления психоактивных веществ [Gritsenko, Skugarevsky, Konstantinov, Khamenka, Marinova, Reznik, Isralowitz 2020];
- снижение уровня критического мышления одновременно с повышением потребности в поиске смысла, усиление психопатологической симптоматики при пролонгировании ситуации [Ениколопов, Бойко, Медведева, Воронцова, Казьмина 2020].

Вместе с тем ряд исследований не поддерживает “тезисы о стрессе”. Так, материалы российских клинических психологов из Санкт-Петербурга свидетельствуют, что у большинства респондентов уровень субъективных переживаний, связанных с пандемией COVID-19, не достигает клинически значимых показателей и в целом говорит о благоприятном психологическом состоянии (“Шкала госпитальной тревоги и депрессии”) [Маликова, Новикова, Пирогов, Мурза-Дер 2020].

Недостаточность использования “порочного круга тревоги” как теоретико-методологического конструкта при осмыслении психических состояний населения обсуждается и в [Тхостов, Рассказова 2020]. Изучая смысл тревоги в условиях пандемии, психологи демонстрируют ее встроенность в логические схемы заботы о будущем (фактически “предвосхищения будущего”), доказывая интегрированность эмоционального, потребностного и когнитивного измерений психических состояний общества.

В то же время, даже выходя за пределы изучения феномена “тревоги” в условиях пандемии, психологи спешат вернуться на устоявшиеся привычные позиции. При анализе характера запросов россиян в поисковых интернет-системах с ключевым словом “коронавирус” исследователи заключают, что научный проект “целесообразно продолжить в русле изучения конкретных эмоциональных переживаний, например паники, страха, тревоги, опасений и др., обусловленных пандемией. Именно данное направление представляется нам наиболее перспективным” [Журавлев, Китова 2020, с. 16].

Таким образом, при изучении общества в пандемии доминируют исследования, направленные на прояснение аффективной составляющей психологических (психических)

состояний общества. Характеристика эмоционального фона при этом во многом зависит от исследовательского фокуса, от того, что изучается – стресс как реакция общества на пандемию (акцент на идентификации стресса и его повышение у “групп риска”) или эмоциональное состояние общества в условиях пандемии (акцент – на аффективной сфере общества в целом в сравнении с обычными не эпидемиологическими ситуациями).

Общество периода пандемий: доверие и недоверие

Особый интерес при изучении общества периода пандемий представляют потребностно-мотивационная (общегрупповая мотивация, групповые потребности, ценности, интересы, цели, установки, идеалы) и регулятивно-волевая (намерения, регуляция и контроль) сферы. В современных исследованиях в большей степени представлена проблема доверия/недоверия общества к государству в условиях пандемии. Изучаются:

- безусловное доверие общества к действиям правительства во время пандемии [Paek, Hilyard, Freimuth, Barge, Mindlin 2008];
- социальная напряженность как результат недоверия в условиях эпидемии (на примере гриппа) [Davis, Stephenson, Lohm 2015] в контексте кризиса вакцин в Чаншене в 2018 г. [Zhou, Zhao, Kong, Campy, Wang 2019], а также во время вспышки птичьего гриппа в Великобритании [Rowe, Hawkes, Houghton 2008];
- недоверие и противодействие действиям правительства во время пандемии (на примере пандемии H1N1) [Raunack-Mayer, Tooher, Collins 2013];
- доверие негосударственным источникам, например социальным сетям [Ковалева, Журавлев 2020];
- роль разъяснительной работы правительства для избежания общественной паники на примере кризиса вакцины против гепатита в Китае [Bin, Jiang, Shao, Jiang, Wang, Liu, Tang, Gu, Jiang 2015] или на примере эпидемии вируса Зика [Glowacki, Lazard, Wilcox, Mackert, Bernhardt 2016], включая поиск оптимальных стратегий взаимодействия с медиа для большего просветительского воздействия на население [Li, Liu, Li 2020].

Представленные исследования раскрывают ключевой механизм подобных научных проектов, а именно острую актуальность, необходимость рефлексии на научном уровне идущих процессов. В этом контексте общество пандемии уходит на второй план, в фокусе исследований оказывается яркое событие, его осмысление и научное описание.

Особенность изучения современного общества периода пандемии коронавируса – сосредоточенность на конспирологических теориях и инфодемии [Georgiou, Delfabbro, Balzan 2020; Jaiswal, LoSchiavo, Perlman 2020; и др.]. Изучаются:

- противодействие дезинформации в Интернете; исследуются краткосрочные и долгосрочные последствия законодательства в различных странах, нацеленного на дезинформацию о COVID-19 в средствах массовой информации, традиционных или цифровых [Radu 2020];
- связь профилактической работы с уровнем веры в теории заговора COVID-19; так, вера в интуицию, стремление избежать неопределенности, импульсивность, общие убеждения в заговоре, религиозность и правая идеология, а также более низкий уровень когнитивной рефлексии оказались связаны с более высоким уровнем веры в теории заговора COVID-19 [Alper, Bayrak, Yilmaz 2020];
- связи разных теорий заговора с разными типами поведения; индивиды, принижающие риск COVID-19, с меньшей вероятностью будут следовать официальным рекомендациям; те, кто считают, что вирус возник в лаборатории, с большей вероятностью подготовятся к худшему сценарию [Imhoff, Lamberty 2020];
- роль оптимизма-пессимизма, общего доверия и веры в теории заговора, связанные с COVID-19; так, оптимисты, люди с высоким уровнем общего доверия и те, кто не верят

в теории заговора, демонстрируют более низкий уровень страха и более высокий уровень превентивного поведения [Jovančević, Miličević 2020].

Исследования, направленные на изучение доверия/недоверия или теорий заговора, фактически обращаются к отношениям между обществом и государством (правительством), проблематизируют общественную границу повиновения и роль просоциального поведения в условиях пандемии.

Общество периода пандемий: изоляция и депривация

Во время пандемии COVID-19 впервые были сформулированы для населения жесткие правила изоляции. Ограничения, наложенные как на перемещения вне дома, так и на социальные контакты, включая инфицированных или пожилых родственников, повлекли за собой комплексную депривированность. В исследованиях изоляция связывается:

- с негативным эмоциональным фоном, который способствует депривированности, население оправдывает или рационализирует свой малоподвижный образ жизни в городах, в большей степени пострадавших от пандемии [Stephen, Wang, Rauch, Wei 2020];
- с разрушением отношений в профессиональных группах из-за сенсорной депривации (ограничения на тактильные контакты) [Kniffin, Narayanan, Anseel, Antonakis et al., 2020];
- со снижением удовлетворенности работой и более низкой производительностью труда, а также с увеличением текучести кадров [Занковский 2020; Vaziri, Casper, Wayne, Matthews 2020].

Снимать негативные последствия эмоциональной и сенсорной депривации психологи рекомендуют общением с животными, на которых ограничения пандемии COVID-19 не распространяются [Nieforth, O'Haire 2020].

Очевидно, что изоляция и депривированность неблагоприятно сказываются на развитии детей, однако возрастные аспекты депривированности из-за пандемии COVID-19, включая сравнительный контекст, в настоящее время в научной периодике не представлены.

Общество периода пандемий: поляризация и дискриминация

В исследованиях подробно и детально описаны эпизоды поляризации отношений и социальной дискриминации в закрытых группах. Феномен дискриминации типичен для процессов группообразования, связан с категоризацией, идентификацией и/или различением [Тернер 2003]. Именно при социальной депривации и формировании закрытых групп проблема дискриминации оказывается на первом плане. Дискриминируются “Другие” (тубинфицированные, вич-инфицированные и т.д.), при этом дискриминационные установки в отношении инфицированных свойственны не только обывателям, но и специалистам независимо от профессии, возраста, стажа работы [Козлова 2009; Решетников, Павлов 2018].

В исследованиях о пандемии COVID-19 проблемы социальной поляризации и дискриминации изучаются в контексте:

- стигматизации семей, чьи родственники становятся пациентами с COVID-19 [Kachanoff, Bigman, Kapsaskis, Gray 2020; Rizvi, ul Momina, Naqi 2020];
- уязвимости и дискриминации всех “меньшинств” в условиях пандемии (безработные, лица с низким доходом, женщины, мигранты, сообщества с ограниченными возможностями и т.д.), которые непропорционально часто гибнут из-за бедности и недостаточного доступа к медицинским услугам [Pillay, Barnes 2020];
- эйджизма как конструирования уязвимости социальной группы пожилых [Sheffler, Sachs-Ericsson, Joiner 2020] и трансляции негативных установок в отношении лиц старше 65 лет [Schroyer 2020].

Изоляция и опасность, обусловленные инфекционной угрозой, направляют социальную перцепцию общества в область жесткой стереотипизации, при которой “ролевое” поглощает личностное, воспроизводя социальные правила и социальную реальность закрытой группы.

О востребованности прежних теоретических полей

Теоретическое поле, объясняющее функционирование общества в условиях пандемии, находится в стадии становления, поскольку глобальные эпидемии, пандемии такого масштаба в предыдущие десятилетия не угрожали населению планеты. Даже научные центры, претендующие на прогнозирование, не включали прежде риски пандемии и следующую за ней принудительную цифровизацию социальных отношений в перечень вызовов будущего [Нестик, Журавлев 2018].

Изучение социальных исследований о пандемии показывает, что большинство схожих проблем согласуется с концепциями и теориями, предложенными предыдущими поколениями исследователей (например, изоляцией и спецификой организации социальных отношений по закрытому типу). Представляется рациональным использовать релевантные и наиболее значимые полученные ранее результаты для конструирования и насыщения теоретического поля об обществе в условиях пандемии.

Российское психологическое сообщество активно ищет возможные теоретические границы осмысления проблемы существования общества в условиях пандемии. На методологических семинарах обсуждаются ресурсы классических российских теорий, например культурно-деятельностной психологии, в контексте стресса, катастрофической ситуации, смысла жизни и смысла смерти [Культурно-деятельностная психология... 2020].

Теоретизирование в области психических состояний общества задает общую канву в определении контура “концепции общества в пандемии”. Наиболее интегративное определение понятия “психические состояния” можно извлечь из определения основных сфер общественной психологии [Шорохова 2002]. В конструкцию концепции общества в условиях пандемии как обязательные компоненты должны входить когнитивные аспекты состояний (коллективные представления, социальное мышление, общественное мнение, общественное сознание, менталитет); потребностно-мотивационные (общегрупповая мотивация, групповые потребности, ценности, интересы, цели, установки, идеалы), аффективные (чувства, эмоции, настроения); регулятивно-волевые (намерения, регуляция и контроль); деятельностные (поведение).

В настоящее время (особенно это касается российских исследований общества пандемии) преимущественно разрабатывается аффективный сегмент/сектор этой концепции. Если предполагать обстоятельное и развернутое представление о всех сферах общества пандемии, необходимо инициировать научные проекты о состоянии когнитивного и поведенческого секторов, а также детально разрабатывать потребностно-мотивационные и регулятивно-волевые сегменты. Это имеет значение, если мы изучаем не страх/стресс/тревогу, возникающие у группы или индивида в условиях пандемии, а общество, которое в этот период не только боится, тревожится, но и меняет суждения (и, возможно, картину мира), трансформирует ценности и установки, перестраивает привычный стиль поведения, доверяет и подчиняется властям и/или оказывает сопротивление. Условия пандемии изменили содержание не только эмоциональной сферы общества, следовательно, исследования должны равновесно отражать сложную совокупность изменений.

Исходя из социальной психологии, очевидно, что исследовательское поле следует насыщать результатами социологических и политологических исследований. Так, доверие к правительству и эмоциональный фон общества оказываются связанными с выполнением официальных медицинских рекомендаций, что особенно значимо в условиях

пандемии [Min, Shen, Yu, Chu 2020]. Пребывание людей в стрессовых условиях пандемии коронавируса изменяет установки не только на уровне межличностного взаимодействия, но и в отношении социальных институтов [Kye, Hwang 2020].

Теоретические конструкты, разъясняющие функционирование общества в условиях депривации, – это необходимые инструменты для осмысления идущих в обществе процессов в условиях изоляции и принудительной цифровизации социальных отношений. Характеристики деформации развития личности и выявленные закономерности функционирования закрытых групп могут стать основой планирования новых исследований на современном материале депривации в условиях пандемии.

* * *

Интеграция российских социальных исследований в общемировой научный контекст связана с закономерно повышенным интересом к теоретическим конструктам зарубежных исследователей. В то же время история развития российских и советских социальных наук позволяет среди научного наследия идентифицировать теоретические идеи, модели, концепции, ранее подкрепленные эмпирикой и релевантным потребностям сегодняшнего дня. Теоретические поля психических/психологических состояний и психической депривации задают научные координаты для изучения наиболее актуальных проблем социума в условиях пандемии, раскрывающих, как социальная изоляция, депривация и принудительная цифровизация социальных отношений изменяют личность, группу и современное общество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М.А. (2008) Социально–психологический подход к исследованию больших групп // Вестник НГУ. № 6. Вып. 2. С. 90–95.
- Алдашева А.А., Баканов А.С., Зеленова М.Е., Рунец О.В. (2020) Самоопределение и профессиональный менталитет субъекта труда в период пандемии и кризиса // Организационная психология и психология труда. Т. 5. № 2. С. 166–195. DOI: <https://doi.org/10.38098/igran.opwp.2020.15.2.009>
- Аникин В.А. (2006) Жизненные проблемы россиян и их запросы к социальной политике // Социс. № 12 (272). С. 15–21.
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2008) Прогнозирование настроений и идентификация “социальных пузырей” // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1 (85). С. 62–71.
- Бойко О.М., Медведева Т.И., Ениколопов С.Н., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю. (2020) Психологическое состояние людей в период пандемии COVID–19 и мишени психологической работы // Психологические исследования. Т. 13. № 70. С. 1–12.
- Войтенко М.Ю., Дробышева Т.В. (2018) Взаимосвязь удовлетворенности условиями проживания в мегаполисе и социально–психологического благополучия личности детей // Социальная и экономическая психология. Часть 2: Новые научные направления / Отв. ред. Ю.В. Ковалева, Т.А. Нестик. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”. С. 182–198.
- Гагарина М.А., Савченко Д.В. (2018) Субъективная оценка состояния российского общества и ее связь с личностными чертами и экономическим поведением россиян // Ученые записки Российского государственного социального университета. Т. 17. № 2 (147). С. 14–22.
- Дробышева Т.В., Емельянова Т.П. (2015) Коллективные чувства представителей разных групп общества в отношении значимых социальных явлений / Информационный гуманитарный портал “Знание. Понимание. Умение”. № 4 (июль–август) (http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2015/4/Drobysheva_Emelyanova_Collective-Feelings/).
- Дубов И.Г. (2012) Психология больших групп как один из важнейших разделов социальной психологии // Психологическая наука и образование. Т. 4. №1 (https://psyjournals.ru/files/50841/psyedu_ru_2012_1_Dubov_1.pdf).

Емельянова Т.П. (2016) Феномен коллективных чувств в психологии больших групп // Социальная и экономическая психология. Т. 1. № 1 (<http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document195.pdf>).

Ениколопов С.Н., Бойко О.М., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю. (2020) Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19 [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. Т. 12. № 2. С. 108–126. DOI:10.17759/psyedu.2020120207.

Журавлев А.Л., Китова Д.А. (2020) Отношение жителей России к информации о пандемии коронавируса (на примере пользователей поисковых систем интернета) // Психологический журнал. Т. 41. № 4. С. 5–18.

Занковский А.Н. (2020) Психология труда и организационная психология в условиях пандемии: проблемы и решения // Организационная психология и психология труда. Т. 5. № 3. С. 170–182. DOI: <https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2020.16.3.009>

Ильин Е.П. (2005) Психофизиология состояний человека. СПб.: Питер.

Ильин В.А., Морев М.В. (2016) Психологическое состояние российского общества // Вестник РАН. Т. 86. № 10. С. 921–932.

Каширина Л. В. (2004) Статусно-ролевые аспекты социально-психологических состояний социальных групп // Социология власти. № 5. С. 124–134.

Ковалева Ю.В., Журавлев А.Л. (2020) Общественное настроение и субъектность сетевого сообщества в период пандемии COVID-19: на примере социальной сети Твиттер // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. Т. 5. № 2 (18). С. 154–188.

Козлова А.В. (2009) Сравнительный анализ представлений педагогов и военных врачей о ВИЧ–инфекции // Психологические исследования: электрон. науч. журн. № 3 (5) (<http://psystudy.ru/index.php/num/2009n3-5/169-kozlova-av5.html>).

Кондратьев М.Ю. (2011) Особенности интрагруппового структурирования в сообществах несовершеннолетних правонарушителей в условиях принудительной изоляции // Социальная психология и общество. № 4. С. 50–70.

Кондратьев М.Ю. (1997) Подросток в замкнутом круге общения. М.: Институт практической психологии. Воронеж: МОДЭК.

Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии. Материалы обсуждения на совместном заседании научных семинаров “Время. Субъект. Сознание. Деятельность” и “Культурно-деятельностная психология” факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, 6 апреля 2020 г. // Человек. DOI: 10.31857/s023620070010929-8

Ларина Г.Н. (2018) Свобода группы как предмет социально–психологического исследования // Социальная и экономическая психология. Ч. 2: Новые научные направления / Отв. ред. Ю.В. Ковалева, Т.А. Нестик. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”.

Лебедев А.Н. (2018) Индикаторы и предикторы психологического состояния российского общества // Человеческий капитал. № 6 (114). С. 66–76.

Лебедев А.Н., Гордякова О.В. (2018) Психологическое состояние общества и феномен психологической поляризации // Социальная и экономическая психология. Т. 4. № 2 (14). С. 22–45.

Маликова Т.В., Новикова Т.О., Пирогов Д.Г., Мурза-Дер Г.А. (2020) Отчет по результатам опроса “Социокультурные представления о коронавирусной инфекции (COVID-19) // Психология человека в образовании. Т. 2. № 1. С. 119–122. DOI: 10.33910/2686-9527-2020-2-1-119-122

Мухина В.С. (2006) Возрастная психология. Феноменология развития. М.: Академия.

Назаретян А.П. (2001) Психология стихийного массового поведения. Лекции: М.: ПЕР СЭ.

Нестик Т.А., Журавлев А.Л. (2018) Отношение к глобальным рискам: социально–психологический анализ // Психологический журнал. Т. 39. № 1. С. 127–138.

Нестик Т.А., Журавлев А.Л. (2018) Психология глобальных рисков. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”.

Ольшанский Д.В. (2002) Политическая психология. СПб.: Питер.

Панов В.И. (1998) Психическое состояние как объект и предмет психологического исследования // Мир психологии. № 2. С. 20–35.

Первичко Е.И., Митина О.В., Степанова О.Б. Конюховская Ю.Е., Дорохов Е.А. (2020) Восприятие COVID-19 населением России в условиях пандемии 2020 года // Клиническая и специальная психология. № 2. С. 119–146.

Психическое развитие воспитанников детского дома (1990) / Под ред. И.В. Дубровиной, А.Г. Ружской. М.: Педагогика.

Радина Н.К. (2016) Социально–психологический феномен “закрытости” М.Ю.Кондратьева: от “закрытой группы” — к “закрытому обществу” // Социальная психология и общество. Т. 7. № 1. С. 45–58.

Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А., Лебедева А.А. (2020) Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. Т. 28. № 2. С. 90–108. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280205>

Решетников А.В., Павлов С.В., Присяжная Н.В. (2018) Социально конструированный образ вич-инфицированного // Социс. № 6. С. 134–140.

Сорокин М.Ю., Касьянов Е.Д., Рукавишников Г.В., Макаревич О.В., Незнанов Н.Г., Лутова Н.Б., Мазо Г.Э. (2020) Психологические реакции населения как фактор адаптации к пандемии COVID-19 // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. № 2. С. 87–94.

Тернер Дж. (2003) Социальное влияние. СПб: Питер.

Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И. (2020) Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации инфодемии: защита от коронавируса или “порочный круг” тревоги? // Консультативная психология и психотерапия. Т. 28. № 2. С. 70–89. DOI:10.17759/cpp.2020280204

Урнов М.Ю. (2007) Эмоциональная атмосфера общества как объект политологического исследования: постановка проблемы. Препринт WP14/2007/01. М.: ГУ ВШЭ.

Шестопал Е.Б. (2017) Психологическое состояние российского общества между парламентскими и президентскими выборами. Сравнительный анализ // Сравнительная политика. Т. 8. № 2. С. 119–129.

Шляховая Е. В. (2018) Доверие как условие принятия решений в VUCA–мире // Социальная и экономическая психология. Часть 2: Новые научные направления / Отв. ред. Ю.В. Ковалева, Т.А. Нестик. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”. С. 463–470.

Шорохова Е.В. (2002) Теоретические проблемы исследования больших социальных групп / Социальная психология: Учебное пособие для вузов. М.: ПЕРСЭ. С. 252–267.

Юревич А.В. (2003) Структура психологических теорий: Методологические и теоретические проблемы психологии // Психологический журнал. Т. 24. № 1. С. 5–13.

Ahmed S. (2004) Collective Feelings: Or, the Impressions Left by Others // Theory, Culture & Society. Vol. 21. Issue 2. Pp. 25–42.

Alper S., Bayrak F., Yilmaz O. (2020) Psychological correlates of COVID–19 conspiracy beliefs and preventive measures: Evidence from Turkey // Current Psychology (New Brunswick, N.J.), 1-10. Advance online publication (<https://doi.org/10.1007/s12144-020-00903-0>).

Bin C., Zhang J.M., Jiang Z., Shao J., Jiang T., Wang Z., Liu K., Tang S., Gu H., Jiang J. (2015) Media and public reactions toward vaccination during the ‘hepatitis B vaccine crisis’ in China // Vaccine. Vol. 33. Issue 15. Pp. 1780–1785.

Davis M.D.M., Stephenson N., Lohm D. et al. (2015) Beyond resistance: social factors in the general public response to pandemic influenza // BMC Public Health. 15: 436 (<https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/25926035/>).

Drury J., Cocking C., Reicher S. (2008) Everyone for themselves? A comparative study of crowd solidarity among emergency survivors // British Journal of Social Psychology. Pp. 1–21 (http://www.researchgate.net/profile/John_Drury3/publication/23255809_Everyone_for_themselves_A_comparative_study_of_crowd_solidarity_among_emergency_survivors/links/0deec518cfd6a73de0000000.pdf).

Georgiou N., Delfabbro P., Balzan R. (2020) COVID-19–related conspiracy beliefs and their relationship with perceived stress and pre–existing conspiracy beliefs // Personality and Individual Differences. Vol. 166: 110201 (<https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110201>).

Glowacki E.M., Lazard A.J., Wilcox G.B., Mackert M., Bernhardt J.M. (2016) Identifying the public's concerns and the Centers for Disease Control and Prevention's reactions during a health crisis: an analysis of a Zika live Twitter chat // American Journal of Infection Control. Vol. 44. Issue 12. Pp. 1709–1711.

Gritsenko V., Skugarevsky O., Konstantinov V., Khamenka N., Marinova T., Reznik A., Isralowitz R. (2020) COVID 19 fear, stress, anxiety, and substance use among Russian and Belarusian university students // International journal of mental health and addiction. Pp. 1–7. Advance online publication (<https://doi.org/10.1007/s11469-020-00330-z>).

Helbing D., Buzna L., Johansson A., Werner T. (2020) Self–Organized Pedestrian Crowd Dynamics: Experiments, Simulations, and Design Solutions // Transportation Science. № 39 (1). Pp. 1–24.

Jaiswal J., LoSchiavo C., Perlman D.C. (2020) Disinformation, Misinformation and Inequality-Driven Mistrust in the Time of COVID-19: Lessons Unlearned from AIDS Denialism // *AIDS Behavior*. Vol. 24. Pp. 2776–2780.

Joensen L.E., Madsen K.P., Holm L., Nielsen K.A., Rod M.H., Petersen A.A., Rod N.H., Willaing I. (2020) Diabetes and COVID–19: psychosocial consequences of the COVID-19 pandemic in people with diabetes in Denmark—what characterizes people with high levels of COVID-19–related worries? // *Diabet Med*. 37(7). Pp. 1146–1154. DOI: 10.1111/dme.14319.

Jovančević A., Miličević N. (2020) Optimism-pessimism, conspiracy theories and general trust as factors contributing to COVID-19 related behavior – A cross-cultural study // *Personality and Individual Differences*. Vol. 167:110216 (<https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110216>).

Imhoff R., Lamberty P.A. (2020) Bioweapon or a Hoax? The Link between Distinct Conspiracy Beliefs about the Coronavirus Disease (COVID–19) Outbreak and Pandemic Behavior // *Social Psychological and Personality Science*. Vol. 11. No. 8. Pp. 1110–1118. DOI: 10.1177/1948550620934692

Kachanoff F.J., Bigman Y.E., Kapsaskis K., Gray K. (2020) Measuring realistic and symbolic threats of covid-19 and their unique impacts on well-being and adherence to public health behaviors // *Social Psychological and Personality Science* (<https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1948550620931634>).

Kniffin K.M., Narayanan J., Anseel F., Antonakis J., Ashford S.P., Bakker A.B., Bamberger P., Bapuji H., Bhawe D.P., Choi V.K., Creary S.J., Demerouti E., Flynn F.J., Gelfand M.J., Greer L.L., Johns G., Keesebir S., Klein P.G., Lee S.Y., Vugt M.V. (2020) COVID-19 and the workplace: implications, issues, and insights for future research and action // *American Psychologist*. Advance online publication (<https://doi.org/10.1037/amp0000716>).

Kye B., Hwang S.-J. (2020) Social trust in the midst of pandemic crisis: Implications from COVID-19 of South Korea // *Research in Social Stratification and Mobility*. Vol. 68: 100523 (<https://doi.org/10.1016/j.rssm.2020.100523>).

Li S., Liu Z., Li Y. (2020) Temporal and spatial evolution of online public sentiment on emergencies. // *Information Processing & Management*. Vol. 57. Issue 2 (<https://doi.org/10.1016/j.ipm.2019.102177>).

Mahmud M.S., Talukder M.U., & Rahman S.M. (2020) Does ‘Fear of COVID-19’ trigger future career anxiety? An empirical investigation considering depression from COVID–19 as a mediator // *International Journal of Social Psychiatry* (<https://doi.org/10.1177/0020764020935488>).

Mead M. (1970) *Culture and Commitment: A Study of the Generation Gap*. New York: Doubleday (Natural History Press, published for the American Museum of Natural History).

Min C., Shen F., Yu W., Chu Y. (2020) The relationship between government trust and preventive behaviors during the COVID–19 pandemic in China: Exploring the roles of knowledge and negative emotion // *Preventive Medicine*. 106288 (<https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2020.106288>).

Nieforth L.O., O’Haire M.E. (2020) The role of pets in managing uncertainty from COVID-19 // *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. 12 (S1). Pp. 245–246.

Paek H.-J., Hilyard K., Freimuth V.S., Barge J.K., Mindlin M. (2008) Health communication and its role in the prevention and control of communicable diseases in Europe. Current evidence, practice and future developments // *MUP Health Promotion Practice Supplement to October 2008*. Vol. 9. No. 4. Pp. 60–72. DOI: 10.1177/1524839908322114.

Pillay A.L., Barnes B.R. (2020) Psychology and COVID-19: impacts, themes and way forward // *South African Journal of Psychology*. Vol. 50. Issue 2. Pp. 148–153.

Radu R. (2020) Fighting the ‘Infodemic’: Legal Responses to COVID–19 Disinformation // *Social Media + Society*. July. DOI: 10.1177/2056305120948190

Raunack-Mayer A., Tooher R., Collins J.E. et al. (2013) Understanding the school community’s response to school closures during the H1N1 2009 influenza pandemic // *BMC Public Health* 13. 344 (<https://proxylibrary.hse.ru:2120/10.1186/1471-2458-13-344>).

Rizvi Jafree S., ul Momina A., Naqi S. A. (2020) Significant other family members and their experiences of COVID–19 in Pakistan: a qualitative study with implications for social policy // *Stigma and Health*. Advance online publication (<https://psycnet.apa.org/fulltext/2020-63909-001.pdf>).

Rosas O.V., Serrano-Puche J. (2018) News Media and the Emotional Public Sphere // *International Journal of Communication*. Vol. 12. Pp. 2031–2039.

Rowe G., Hawkes G., Houghton J. (2008) Initial UK public reaction to avian influenza: analysis of opinions posted on the BBC website // *Health, Risk & Society*. 10:4. Pp. 361–384. DOI: 10.1080/13698570802166456.

- Schroyer D. (2020) Media effects on individual worldview and wellness for long-term care residents amid the COVID-19 virus // *The Gerontologist*. gnaa095 (<https://doi.org/10.1093/geront/gnaa095>).
- Serafeim G. (2018) Public Sentiment and the Price of Corporate Sustainability // *Financial Analysts Journal*. 76 (2). Pp. 26–46.
- Sheffler J. L., Sachs-Ericsson N.J., Joiner T.E. (2020) The interpersonal and psychological impacts of covid-19 on risk for late-life suicide // *The Gerontologist*. gnaa103 (<https://doi.org/10.1093/geront/gnaa103>).
- Stephen Z.X., Wang Y., Rauch A., Wei F. (2020) Unprecedented disruption of lives and work: health, distress and life satisfaction of working adults in China one month into the COVID-19 outbreak // *Psychiatry Research*. Vol. 288 (<https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.112958>).
- Tanoue Y., Shuhei N., Daisuke Y., Takayuki K., Akifumi E., Shoi S., Nahoko H., Hiroaki M. (2020) Mental health of family, friends, and co-workers of COVID-19 patients in Japan // *Psychiatry Research*. Vol. 291. 113067 (<https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113067>).
- Vaziri H., Casper W. J., Wayne J. H., & Matthews R. A. (2020) Changes to the work-family interface during the COVID-19 pandemic: examining predictors and implications using latent transition analysis // *Journal of Applied Psychology*. Advance online publication (<https://doi.org/10.1037/apl0000819>).
- Wahl-Jorgensen K. Questioning the Ideal of the Public Sphere: The Emotional Turn // *Social Media + Society* (<https://doi.org/10.1177/2056305119852175>).
- Zhou M., Qu S., Zhao L., Kong N., Campy K.S., Wang S. (2019) Trust collapse caused by the Changsheng vaccine crisis in China // *Vaccine*. Vol. 37. Issue 26. Pp. 3419–3425.

REFERENCES

- Abramova M. A. (2008) Socio-psychological approach to the study of large groups. *Vestnik NGU*, no. 6, vol. 2, pp. 90–95.
- Aldasheva A.A., Bakanov A.S., Zelenova M.E., Runec O.V. (2020) Self-determination and professional mentality of the subject of labor during a pandemic and crisis. *Organizacionnaya psihologiya i psihologiya truda*, vol. 5, no. 2, pp. 166–195. DOI: <https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2020.15.2.009>
- Anikin V.A. (2006) Life Problems of Russians and Their Requests for Social Policy. *Socis*, no. 12 (272), pp. 15–21.
- Balackij E.V., Ekimova N.A. (2008) Sentiment Prediction and Identification of “Social Bubbles”. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, no. 1 (85), pp. 62–71.
- Bojko O.M., Medvedeva T.I., Enikolopov S.N., Voroncova O.Y., Kaz'mina O.Y. (2020) The psychological state of people during the COVID-19 pandemic and the targets of psychological work. *Psihologicheskie issledovaniya*, vol. 13, no. 70, pp. 1–12.
- Cultural and activity psychology in an extreme situation: the challenge of a pandemic (2020) *Materialy obsuzhdeniya na sovmestnom zasedanii nauchnykh seminarov “Vremya. Sub"ekt. Soznanie. Deyatel'nost'” i “Kul'turno-deyatelnostnaya psihologiya” fakul'teta psihologii MGU im. M.V. Lomonosova, 6 aprelya 2020 goda. Chelovek*. DOI: 10.31857/s023620070010929-8
- Drobysheva T.V., Emel'yanova T.P. (2015) Collective feelings of representatives of different groups of society in relation to significant social phenomena. *Informacionnyj gumanitarnyj portal “Znanie. Ponimanie. Umenie”*, no. 4 (July–August) (http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2015/4/Drobysheva_Emelyanova_Collective-Feelings/).
- Dubov I.G. (2012) Psychology of large groups as one of the most important sections of social psychology, *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*, no. 1 (https://psyjournals.ru/files/50841/psyedu_ru_2012_1_Dubov_1.pdf).
- Emel'yanova T.P. (2016) The phenomenon of collective feelings in the psychology of large groups. *Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya*, vol 1, no. 1 (<http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document195.pdf>).
- Enikolopov S.N., Bojko O.M., Medvedeva T.I., Voroncova O.Y., Kaz'mina O.YU. (2020) Dynamics of psychological reactions at the initial stage of the COVID-19 pandemic. [Elektronnyj resurs]. *Psihologo-pedagogicheskie issledovaniya*, vol. 12, no. 2, pp. 108–126. DOI: 10.17759/psyedu.2020120207
- Gagarina M.A., Savchenko D.V. (2018) Subjective assessment of the state of Russian society and its relationship with personality traits and economic behavior of Russians. *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta*, vol. 17, no. 2 (147), pp. 14–22.
- Il'in E.P. (2005) *Psychophysiology of human states*. St.-Petersburg: Piter.

- Il'in V.A., Morev M.V. (2016) The psychological state of Russian society, *Vestnik RAN*, vol. 86, no. 10, pp. 921–932.
- Kashirina L.V. (2004) Status-role aspects of social and psychological states of social groups. *Sociologiya vlasti*, no. 5, pp. 124–134.
- Kondrat'ev M.Y. (1997) A teenager in a closed circle of communication. Moscow: Institut prakticheskoy psihologii. Voronezh: MODEK.
- Kondrat'ev M.Y. (2011) Features of intragroup structuring in communities of juvenile offenders in conditions of forced isolation. *Social'naya psihologiya i obshchestvo*, no. 4, pp. 50–70.
- Kovaleva Y.V., Zhuravlev A.L. (2020) Public mood and subjectivity of the network community during the COVID-19 pandemic: the example of the social network Twitter. *Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya*, vol. 5, no. 2 (18), pp. 154–188.
- Kozlova A.V. (2009) Comparative analysis of the views of teachers and military doctors about HIV infection. *Psihologicheskie issledovaniya: elektron. nauch. zhurnal*, no. 3 (5) (<http://psystudy.ru/index.php/num/2009n3-5/169-kozlova-av5.html>).
- Larina G.N. (2018) Group freedom as a subject of socio-psychological research. *Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. Chast' 2: Social and Economic Psychology. Part 2: New scientific directions*. Otv. red. YU.V. Kovaleva, T.A. Nestik. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN".
- Lebedev A.N. (2018) Indicators and predictors of the psychological state of Russian society, *Chelovecheskij kapital*, no. 6 (114), pp. 66–76.
- Lebedev A.N., Gordyakova O.V. (2018) The psychological state of society and the phenomenon of psychological polarization. *Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya*, vol. 4, no. 2 (14), pp. 22–45.
- Malikova T.V., Novikova T.O., Pirogov D.G., Murza-Der G.A. (2020) Report on the results of the survey "Socio-cultural perceptions of coronavirus infection (COVID-19). *Psihologiya cheloveka v obrazovanii*, vol. 2, no 1, pp. 119–122. DOI: 10.33910/2686-9527-2020-2-1-119-122
- Mental development of inmates of the orphanage (1990). Pod red. I.V. Dubrovinoj, A.G. Ruzskoj. Moscow: Pedagogika.
- Muhina V.S. (2006) Age-related psychology. Phenomenology of development]. Moscow: Akademiya.
- Nazaretyan A.P. (2001) Psychology of spontaneous mass behavior. Lectures. Moscow: PER SE.
- Nestik T.A., Zhuravlev A.L. (2018) Attitude towards global risks: socio-psychological analysis. *Psihologicheskij zhurnal*, vol. 39, no. 1, pp. 127–138.
- Nestik T.A., Zhuravlev A.L. (2018) Psychology of global risks. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN".
- Ol'shanskij D.V. (2002) Political psychology. St.-Petersburg: Piter.
- Panov V.I. (1998) Mental state as an object and subject of psychological research *Mir psihologii*, no. 2, pp. 20–35.
- Pervichko E.I., Mitina O.V., Stepanova O.B. Konyuhovskaya YU.E., Dorohov E.A. (2020) Perception of COVID-19 by the Russian population in the context of the 2020 pandemic. *Klinicheskaya i special'naya psihologiya*, no. 2, pp. 119–146.
- Radina N.K. (2016) Socio-psychological phenomenon of M.Yu. Kondratyev's "closedness": from "closed group" to "closed society". *Social'naya psihologiya i obshchestvo*, vol. 7, no. 1, pp. 45–58.
- Rasskazova E.I., Leont'ev D.A., Lebedeva A.A. (2020) Pandemic as a challenge to subjective well-being: anxiety and coping. *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya*, vol. 28, no. 2, pp. 90–108. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280205>
- Reshetnikov A.V., Pavlov S.V., Prisyazhnaya N.V. (2018) Socially constructed image of the HIV-infected. *Socis*, no. 6, pp. 134–140.
- Shestopal E.B. (2017) The psychological state of Russian society between the parliamentary and presidential elections. Comparative analysis. *Sravnitel'naya politika*, vol. 8, no. 2, pp. 119–129.
- Shlyahovaya E.V. (2018) Trust as a condition for making decisions in the VUCA world. *Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. Chast' 2: Social and Economic Psychology. Part 2: New scientific direction*. Otv. red. YU.V. Kovaleva, T.A. Nestik. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", pp. 463–470.
- Shorohova E.V. (2002) Theoretical problems of studying large social groups. *Social Psychology: A Textbook for Universities*. Moscow: PERSE, pp. 252–267.
- Sorokin M.YU., Kas'yanov E.D., Rukavishnikov G.V., Makarevich O.V., Neznanov N.G., Lutova N.B., Mazo G.E. (2020) Psychological reactions of the population as a factor of adaptation to the COVID-19 pandemic. *Obozrenie psihiatrii i medicinskoj psihologii imeni V.M. Bekhtereva*, no. 2, pp. 87–94.

Turner Dzh. (2003) Social impact. St.-Petersburg: Piter.

Thostov A.SH., Rasskazova E.I. (2020) Psychological content of anxiety and prevention in an infodemic situation: protection against coronavirus or a “vicious circle” of anxiety? *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya*, vol. 28, no. 2, pp. 70–89. DOI:10.17759/cpp.2020280204

Urnov M.Y. (2007) The emotional atmosphere of society as an object of political science research: problem statement. Preprint WP14/2007/01. Moscow: GU VSHE.

Vojtenko M.Yu., Drobysheva T.V. (2018) The relationship between satisfaction with living conditions in a metropolis and the socio-psychological well-being of the personality of children. *Social and Economic Psychology. Part 2: New scientific directions*. Otv. red. Y.V. Kovaleva, T.A. Nestik. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”.

Yurevich A.V. (2003) The structure of psychological theories: Methodological and theoretical problems of psychology. *Psihologicheskij zhurnal*, vol. 24, no. 1, pp. 5–13.

Zankovskij A.N. (2020) Labour psychology and organizational psychology in a pandemic: problems and solutions. *Organizacionnaya psihologiya i psihologiya truda*, vol. 5, no. 3, pp. 170–182. DOI: <https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2020.16.3.009>

Zhuravlev A.L., Kitova D.A. (2020) The attitude of Russian residents to information about the coronavirus pandemic (on the example of Internet search engine users). *Psihologicheskij zhurnal*, vol. 41, no. 4, pp. 5–18.